

Прометеизм и религия

Тот, кто утверждает противоположное, больше отрицает, чем тот, кто только отрицает. В таком смысле Прометеизм есть более значительное и радикальное отрицание Религии, чем отрицание Материализма (беря этот термин в нашем, самом широком смысле). При этом разница между отрицанием Религии в Прометеизме и отрицанием ее в Материализме та, что Материализм отрицает ее, так сказать, **снизу**, Прометеизм отрицает **сверху**. Отрицание Материализма — низкое, пустое, пошлое, — есть отрицание во имя отрицания, во имя «нуля», по выражению Достоевского; отрицание ее в Прометеизме — положительное, творческое — есть отрицание во имя высшего утверждения. Поэтому в строгом смысле слова, Прометеизм не просто отрицает Религию, а **преодолевает** ее, Материализм же только отрицает. Его отношение к Религии — отношение только антитезы; отношение к ней Прометеизма — отношение Синтеза, отрицающего ее и вместе с тем вмещающего в высшем Утверждении. В отношении того идеального начала, что содержится в Религии, Материализм ниже предмета своего отрицания, ибо нечто, как бы оно ни было незначительно, все же больше, чем ничто. Он же отрицает Религию, по существу, во имя ничто. Поэтому естественно, что даже там, где, как это имеет место в Сов. России, в помощь ему мобилизована вся мощь государства, массы все же предпочитают ему Религию, ибо в последней хотя и в примитивном и ложно-нигилистическом виде, но все же есть некоторое понятие о высшей реальности и высшем смысле жизни; в нем же кроме похоти животного-сытого самоудовлетворения и безотрадной веры в духовно-привственное ничто, ничего нет.

Отрицание Религии в Материализме — по необходимости плоское, вульгарное и пошлое, с некоторой необходимой дозой хулиганства. И иначе и быть не может, так как таков его самого общий уровень: в наших отрицаниях также выражается характер и достоинство нашего существа, как и в наших утверждениях; ибо, как в утверждениях наших содержатся и наши отрицания, так и в отрицаниях содержатся и наши утверждения.

Материалистическое мирозерцание, следовательно, отрицает лишь так, как оно только и может отрицать — на свою низкую и ничтожную мерку. Поэтому во многих отношениях оно своим отрицанием даже способствует преуспеянию Теологического мирозерцания, как, впрочем, и обратно — это последнее со своей стороны также призывает к жизни и поддерживает его. Есть известное диалектическое взаимоблагоприятствование этих двух изначально антителических видов сознания: каждый из них порождает и поддерживает существование своей противоположности, каждым из них, в силу их по-

лярной односторонности, предполагается, в качестве противоположного восполнения, другой. Лишь Прометеизм, лишь Титаническое мирозерцание, выступая в качестве высшего преодолевающего Синтеза их тезы (Теологическое мир.) и антитезы (Материалистическое), делает больше не нужным и логически невозможным и то, и другое, ибо выводит сознание в иное, высшее измерение, сообщает ему целостность и единство.

Религия, Теологическое сознание объективно немислимо без противостоящей ему антитезы Материалистического мирозерцания, как и наоборот, ибо Религия — это только диалектическая половина (высшая) изначально расколотого человеческого сознания, предполагающая (объективно) в качестве его второй (низшей) половины Материализм. Прометеизм же, Титаническое мирозерцание, синтетически возвышаясь над тем и другим, органически вмещает положительные элементы того и другого. Поэтому он впервые есть целостная и гармоническая форма сознания и знаменует собой конец вышеозначенной его великой и изначально раздвоенности.

Тем самым, он одинаково противостоит и отрицает и Теологическое мирозерцание и Материалистическое, но отрицает их синтетически, — творчески преодолевая и то, и другое в высшем гармоническом единстве.

2.

«Истинной, единственной и глубочайшей темой всемирной и человеческой истории, — говорит Гете, — которой подчиняются все прочие, остается конфликт между неверием и верой». Эти для прошлого глубоко верные слова, в то же время, однако, устарели, ибо значительнейшим смыслом наступающей новой эпохи и является именно преодоление этого конфликта. Религия становится больше невозможной потому, что становится возможным в качестве нового высшего бытия и сознания, Прометеизм, и Прометеизм в известном отношении является возможным потому, что больше невозможна Религия. Завершение одного полагает отрицательным образом необходимость другого, и возникновение этого последнего предполагает законченность, исчерпанность первого.

В то же время дальнейшая невозможность диалектической тезы — Религии, означает, тем самым, невозможность и ее диалектической антитезы — Материализма, ибо отрицание возможно лишь до тех пор, пока есть то, что отрицается. Следовательно, конец Религии будет концом и Материализма, в частности, атеизма. И конец этот будет началом Прометеизма.

То же, что, с одной стороны, делает больше невозможной Религию, а с другой — возможным Прометеизм, есть раскрывшееся безграничное творческое величие и могущество Человека, есть, в частности, безгранично разверзающаяся мощь Знания, — Знания, которое, с одной стороны, делает невозможной больше Теологическую веру в Бога, изобличая мифологическую природу Религии, и, с другой стороны, делает возможной Титаническую веру в Человека (в Человека — Человечество), изобличая, тем самым, ложь, принижающего Человека, Материализма.

Теологическое мирозерцание, Религия знаменует эру немощи и ничтожества Человека, эру его духовной незрелости; Титаническое мирозерцание, Прометеизм — эру величия и могущества Человека, эру его духовной зрелости.

Эра Религии — отрицательным образом — кончилась еще с началом Ренессанса; Новое Время было переходным моментом, в течение которого Человек накапливал веру в себя, чтоб подготовить возможность Прометеизма. Новая грядущая эпоха, с ее планетарной мироорганизующей волей и масштабами, и есть эра Титанического мирозерцания, — Прометеизма, которая идет на смену древней эре Религии. — Теологического мирозерцания после краткого переходного периода господства, чисто негативного, Материалистического мирозерцания.

В этой метаисторической последовательности и смене, взятой во всей ее значительности и глубине, осуществляется переход величайшей революции духа. — От теологического понятия Абсолютного, с его идеей Сущего Бога (мнимо-, лже-Сущего), через переходнотрицательную материалистическую категорию всеотносительного — к титаническому понятию Абсолютного, с его идеей Становящегося Бога. В частности: от теологической идеи Бога, становящегося человеком, — Богочеловека, через промежуточно-нейтральную гуманистическую идею человека, к титанической идее Человека, становящегося Богом, — Человекобога. В этом противопоставлении содержится ложь снижения и истина Возвышения: не Бог, становящийся человеком — в этом ложь Теологического мирозерцания, а Человек, становящийся Богом, — такова истина Титанического мирозерцания.

С этим связаны две противоположно направленные тенденции в Религии и в Прометеизме: теологическая тенденция всеуничтожения, все отрицающая в мире, и титаническая тенденция всевозвеличения, все в мире утверждающая, — аскетическая мораль смирения и нигилистической отрешенности и героическая мораль дерзновения и творческой Победы.

3.

Христианство является самой высокой, по историческому уровню, формой Религии. Гегель справедливо именовал его абсолютной религией. В нем историческое развитие Теологического сознания достигло своего завершения, — и тем самым, конца. — Ибо в понятии завершения содержится, известным образом, и понятие конца, предела. Поэтому и в христианстве рядом с элементами высшего утверждения Религии и в Прометеизме: теологическая тенденция всеуничтожения, самоотрицания. Дальше развитию в этом духовном плане некуда идти, и оно здесь невозможно, ибо оно исчерпало себя, достигло вершины возможного в этом роде сознания совершенства и полноты. Поэтому конец христианства есть конец Религии вообще. И на смену ему может придти не новая высшая религия, как можно думать, механически следуя идее развития, а то, что знаменует возвышение духовного бытия в совершенно иное и высшее измерение — Прометеизм, в качестве нового мирозерцания, памятуя при этом, конечно, об условности всякого наименования и выражения, о том, что всякий термин и обозначение служат лишь намеком, этикеткой, условным знаком, а не формой, адекватно покрывающей все обозначаемое им содержание (см. ниже).

Поэтому, когда мы вообще говорим о Прометеизме, как, в известном смысле, эквиваленте Религии, то это нужно понимать именно так, как мы говорим, т. е. об эквиваленте Религии, как таковой, а не старой религии. Ибо из этого следует, что мы отрицаем не старую

религию, а Религию вообще, как Теологическую форму сознания, противопоставляя ей Титаническую форму его — Прометеизм.

Но Религии соответствовала некая несомненная реальность. И то, что ею жили в течение тысячелетий все народы, свидетельствует, что эта реальность была чем то глубоко важным и значительным. Поэтому новая высшая форма духовно-нравственного бытия должна синтетически возместить то, чем была Религия во все века для всех народов, и именно в том, в чем она была нужна и благодетельна для них. Однако, содержа в себе элемент, служащий эквивалентом правды Религии, новое сознание не становится тем самым повторением ее, хотя бы и в новой высшей форме, — уже потому, что элемент не есть целое, что целое не равно части, а также потому, что это целое есть форма сознания, соответствующая уровню и смыслу эпохи в развитии человечества, которым Религия, как таковая, не только не соответствует больше, но и прямо враждебна по самой природе своей. Так химия в известном смысле явилась высшим эквивалентом алхимии, но химию ни в коем случае нельзя квалифицировать, как новую алхимию. Они не только различны по уровню и объему своему, но и противоположны, в известном отношении, по существу. И в таком отношении можно сказать, что Прометеизм, в своем замысле, так относится к Религии, как химия относится к древней алхимии, или как современная техника относится к древней магии.

Поэтому, между прочим, мы со всей категоричностью отвергаем те утверждения некоторых из наших критиков, которые приписывают нам «создание» какой то «новой религии». Такого рода утверждение в ном. 13 «Нового Града» повторил и Варшавский, несмотря на выделяющуюся искренность своей статьи (хотя и представившей облик нашего издания в несколько препарированном виде). В действительности мы не «создаем» новую религию, а боремся с Религией, как таковой, говоря о **новом миросозерцании**, а не о новой религии. И если мы иногда допускали подобного рода словоупотребления, говоря об этом новом миросозерцании, о новом сознании и культурно-историческом бытии, то лишь в том **условном смысле**, в каком говорят об «религии прогресса», «религии социализма», «религии нации» (фашизм), ницшеанской «религии сверхчеловека» и пр.

4

Прометеизм, в качестве высшего эквивалента Религии, не только стал реально возможен, но в известном смысле необходим. Бог был в Теологическом сознании гипостазированной Надеждой человека, метафизическим залогом того, что добро и правда восторжествуют в мире. В частности, мифический Христос был тем, кто, по верованию, «приходил» на землю для того, чтоб «спасти» мир, чтоб, «искупив» грехи его, возвести его к истине и добру, победить смерть и тем приобщить к утверждению в Абсолютном. Поэтому он назывался «Спасителем», «Искупителем», «Мессией» и пр.

Но такая мифическая вера человека в торжество правды и добра в мире и стремление к своему абсолютному утверждению через веру в потустороннее Абсолютное, была возможна лишь на уровне духовного детства человечества, на уровне его духовной незрелости. Теперь, с наступающей новой высшей эрой духовной зрелости Человека, эрой великого Знания его в теоретическом отношении и великой Мощи в практическом смысле, так верить становится возможным, лишь насилуя себя, лишь подавляя все доводы и разума, и опыта, и очевидно-

сти. Поэтому для человека, для которого невозможна больше такая вера в торжество добра и свое абсолютное достоинство и назначение, остается или пессимизм, скептицизм, аморализм и пр., т. е. вообще Материализм, или возможность обретения того, что явилось бы высшим эквивалентом в отношении прежней веры. Таким естественным эквивалентом и является по своей идее Прометеизм, с его основным открытием Человека, как потенциального Абсолюта, все заключающего в себе, с его великой, титанической верой Человека (Человечества) в себя, в свою демиургическую мощь преобразования мира и в нем утверждения своего абсолютного достоинства и бытия, в частности, победы над смертью.

5.

Собственно, Религия есть именно только вера в торжество добра; Прометеизм — есть осуществление этого торжества. Поэтому в нем есть то, чего нет в ней: Творчество. В Религии Абсолютное есть только потенциально-сущая реальность, в Прометеизме оно — реальность актуально-становящаяся. Оттого лишь в Прометеизме есть и утверждается История; в Религии ее нет и она даже отрицается.

История в собственном смысле, как Абсолютный подвиг преобразования мира, как ближайшая и сокровенно-центральная сфера становления Абсолютного, является главной и высшей реальностью Титанического мирозерцания, Прометеизма. Но именно поэтому последовательное Теологическое мирозерцание с его идеей не посторонне-становящегося, а потусторонне-сущего Абсолютного.

Антиисторичность Теологического мирозерцания особенно ясна на примере его индусской разновидности. Нирвана — самое страшное из всего, что вообще создавала Религия. Это трансцендентная бездна, которая способна втянуть в себя жизнь целой расы, целого комплекса народов. И именно ей более всего противоположна идея Истории. Там — погружение, здесь — Восстание, там всеутошение, здесь — Всевозрождение, там отрешенность, здесь Победа: универсальное отрицание и абсолютное Утверждение.

Есть радикальное различие в отношении к Абсолютному именно с этой точки зрения — отрицания Истории (в Религии) и абсолютизации ее (в Прометеизме). Это различие — культ смерти и лафос Жизни, всеутошение и Всеактуализация, путь аскезы и путь Творчества, немощь и Мощь. — Религия это символическое отношение человека к Сущему Богу, Прометеизм это творческое отношение его к Становящемуся Богу. Первое есть Мистерия, второе — История.

Можно сказать, что Прометеизм и Религия в известном отношении противоположно - подобны. В этом отношении Прометеизм так относится к Религии, как позитив относится к негативу. В Прометеизме в положительном виде содержится то, что в Религии содержится в отрицательном виде. Поэтому в Религии доминирующим предметом всех помыслов является смерть: через нее, через ее врата все связывается с потусторонним; в Прометеизме таким доминирующим предметом является Жизнь: в ней и через нее все осуществляется в положительном. В Религии, по существу, все верно, будучи лишь взято в обращенном виде; ее истина выражена отрицательным, а не положительным образом. Отсюда в ней отрицания преобладают над утверждениями, отсюда ее нигилизм. Прометеизм же идет обратным пу-

тем: он утверждает, а не отрицает, его истина выражается не в отрицательном и обращенном виде, а так, как она есть: в положительном и прямом виде. Он не уводит от жизни и мира, а преобразует их, осуществляет свое единство с Абсолютным не в потустороннем мире, в отрешенности, а в посюстороннем мире, — в творчестве. Наоборот — смерть, неотмирность, непротивление, неприятие — таковы понятия, которыми оперирует негативная по своей природе Религия. Страдание и печаль, а не счастье и радость, осознание своих немочей, недостойнств и грехов, а не обретение своих возможностей, сил и достоинств — такова ее постоянная направленность. Ее мораль — нигилистическая и аскетическая мораль, а не творческая и героическая, как в Прометеизме. Ее свобода — негативная свобода отрешенности, а не положительная свобода могущества, как в последнем.

Поэтому, как в негативе и позитиве, — в Религии преобладают черные цвета, в Прометеизме — светлые. Религия — ночное мирозерцание; Прометеизм — дневное; первое мирозерцание — лунное, второе — солнечное.

Религия живет в Ночи, — нам осязательно явствен, например, ночной облик Средневековья, — в состоянии Погружения, в противоположность состоянию Восстания, которым знаменуется Прометеизм. Ее стихия — Сон — в мифических грезах и видениях, пассивность потенциальности, сумеречность, потухшие огни. И наоборот, Солнце бытия, Солнце Становящегося Абсолютного, все пробуждающего к Бодрствованию в Творчестве - Труде, все актуализирующего в Истории, в Восстании Мирового Становления и возжигающего грядущий День абсолютного Утверждения — все это выражает в себе и несет Титаническое мирозерцание, — Прометеизм, осуществляющий в Истории, в Мировом Становлении — Восстании прометеевский Огонь всепобеждающего Бунта.

— Прометеевское начало есть изначально революционное, в высшем смысле этого понятия, начало. Им из сердцевины бытия движется Мировое Становление — История. Это начало есть Демимургический дух творчества, дух стремления, дух достижения и победы.

6

И Религия, и Прометеизм имеют предметом своим Великое, состоят в отношении к Бесконечному, в единстве с Абсолютным. Но в Религии люди только поклоняются Великому, при том, данному по их представлениям, в ином, ирреальном, потустороннем мире; в Прометеизме они творят Великое, при том, творят его в этом, посюстороннем, реальном мире. И сферой такого творчества ими Великого является История в собственном смысле, — как путь обретения человеком самого себя, актуализации его Абсолютной потенции.

Если предметом организации Природы — низшего аспекта организации мира и в ней его преобразования является Грандиозность и материальное могущество, то предметом организации Истории, высшего и основного аспекта организации мира, является Величие и демимургическое могущество. Там в овладении Природой, в преодолении пространства достигается материальное освобождение человека и власть его над своим Положением, здесь в овладении Историей, в преодолении времени осуществляется его абсолютное утверждение и власть его над своей Судьбой.

Но преодоление пространства в организации Природы и — вре-

мени в организации Истории одинаково — с разных сторон — раздвигают пределы Человека, исполняя его истинную Абсолютную меру, меру потенциальной Бесконечности, в Истории, в Мировом Становлении актуализирующей.

И в этом отношении Религия и Прометеизм также противоположно-подобны. У них одна мера бытия по масштабу: Абсолютная мера онтологической безусловности. Но мера эта, одинаковая по масштабу, противоположна по содержанию: в Теологическом мирозерцании она божеского происхождения, в Титаническом — человеческого; там ее Величие мифически-символического, здесь реально-творческого свойства.

Ибо вообще помещением центра тяжести жизни — в данном, земном мире или в «потустороннем», «загробном» — определяется величайшее различие, какое можно представить между разными формами сознания. И таково именно основное различие между Теологическим и Титаническим мирозерцаниями, в частности, в их понятиях об Абсолютном. Для первого оно — дано и дано в потустороннем, ирреальном мире; для второго оно задано и задано в посясторонней реальной действительности.

Отсюда нигилистическая аскетическая мораль Религии, направленная на отрицание мира, и творческая героическая мораль Прометеизма, направленная на преобразование мира. Первая есть мораль отрешенности, квиэтистическая мораль; вторая — мораль Победы, мораль Активности.

7.

В силу этой же своей направленности на потустороннее бытие, все религии суть религии смерти, в противоположность Прометеизму, который есть культ Жизни, и следовательно, завет ее победы над смертью, завет ее конечного торжества. Победа над смертью там, где она высказывается и в религиях, есть мнимая и обманчивая победа, так как она мыслится не иначе, как... после смерти, — в «загробном бытии». Но до этого, но в подлинной действительности они, отрицая во имя потусторонне-загробного «бытия» посястороннее, реальное бытие, фактически, по существу отрицают во имя смерти — жизнь.

Корректив, который вносит в это в виде обещаемого воскресения христианство, есть именно только корректив: он не отменяет самой предварительной необходимости смерти, а в этом все дело: обещания чего бы то ни было «потом» уже суть лишь обещания, которые в качестве таковых, в качестве именно посмертных, звучат в обычном словоупотреблении даже иронически, как нечто заведомо безнадежное. Да кроме того и эта надежда, согласно самому христианскому учению, предполагает «второе пришествие» необходимого для этого «воскресителя» — Христа. Это же последнее опровергнуто самим тем, кто «придти» должен, ибо он обещал, что «близко (его «второе пришествие») — при дверях», «некоторые из вас (его тогдашних слушателей) еще не вкусят смерти» и т. д. А между тем, с тех пор прошло почти... две тысячи лет, и теперь этот миф более чем когда бы то ни было, представляется именно только мифом.

Недаром сами некоторые христиане, изверившись, наконец, в этом ожидании «второго пришествия», решили сами заняться, не дожидаясь больше своего «спасителя», воскрешением из мертвых, при

этом, отвергнув всякую мистику, употребить для этого... современную технику. Мы имеем в виду нашу секту федоровцев. И как ни фантастичны и смешны предлагаемые ими для этого «проклеты», все же нельзя не понимать их авторов после их двухтысячелетних напрасных молений и призывов: «да придет царствие Твое», «ей, гряди, Господи Иисусе» и пр.

Также, в соответствии с общим жизнеутверждающим духом Прометеизма, в нем естественно отдаваемое предпочтение Молодости, Здоровью, Силе. И с другой стороны, тоже крайне характерно для Религии, что она, наоборот, явно тяготеет к предпочтению старчества, женственного начала, аскетической расслабленности и т. п. Также и обратно: старость, женственные натуры, немощь и расслабленность более предрасположены к Религии, чем все им противоположное. Во времена Франциска Ассизского проказа даже считалась «вящей» болезнью. И это не было каким либо недоразумением эпизодического свойства, это был страшный симптом, симптом религии, целью которой было осквернение, хула и клевета на мир, проклятие и вызов всяческому Здоровью. Христа вообще более естественно представить среди расслабленных, больных, нищих духом и юродивых, чем среди сильных, мужественных, гармоничных, гордых, которым ему, по существу, нечего сказать.

Здоровье, как сила, как всякая мощь вообще, явно под воздействием в Теологическом сознании; и это вполне гармонирует с его нигилистическим духом аскезы, отрешенности, вражды к жизни, угашения.

Культ старчества общеизвестен во всех типичных религиях; и также в них явственно преобладает пассивное женственное начало над активным мужественным. Отсюда их квиэтизм, не-делание, не-противленчество, преобладающая созерцательность и т. п. Быть может, не лишен некоторого символического значения даже тот женоподобный характер одеяния, которым отличаются ближайшие служители всех культов.

8.

Извлекая и очищая ту долю истины, которая сокрыта в Теологическом сознании, можно сказать, что Бог — это потенция мира, потенция Абсолютного, дремлющая в его творческой Бездне. И тогда История, Мировое Становление есть актуализация этой Потенции, есть Восстание - Становление абсолютного Бытия. И в таком случае истинное отношение между теологическим Сущим Богом и титаническим Становящимся Богом есть отношение между ними, как между потенциально-сущим и актуально-становящимся Абсолютным, как между скрыто пребывающей и реально актуализирующейся Действительностью. Невидимое, тайное — это потенциально-скрытое, возможное в противоположность видимому, явному, как актуализирующемуся потенциальному.

В силу этих различий их, идея первого (потенциально-сущего Абсолютного) в Религии все стабилизирует, идея второго (актуально-становящегося Абсолютного) в Прометеизме все динамизирует. Отсюда культ великого Покоя в Теологическом сознании, и культ великого Движения в Титаническом. Отсюда обращенность к прошлому, ретроспективность, — Золотой Век — позади — первого, и об-

ращенность к будущему, — футуризм, — Золотой Век — впереди — второго.

Религия, по существу, не изменяет мира, если даже изменяет человека. Он дан изначально, как произведение изначально данного «Творца». Напротив, Прометеизм все персворачивает в мире; сама центральная идея его — преображение мира, как и идея Истории с ее, мобилизуемой человеком Динамикой, в этом и состоит.

Религия, с ее идеей Сущего Бога, это санкция того, что **есть**; это идеализация Необходимости. Прометеизм это Восстание против того, что есть, это творчество — в преодолении Необходимости — Свободы, — Свободы, как могущества Человека, преодолевающего свою ограниченность, как власть его над своей Судьбой.

Поэтому Религия учит, что дело Спасения человека, есть дело «Божье», и оно, как таковое, дано, — дано в качестве «благодати Божьей». Прометеизм утверждает, что дело Спасения человека есть дело самого человека, и оно, в качестве такового, задано, — задано в творчестве человека. Отсюда смысл и назначение творчества, смысл и назначение всякого делания, свершения, изменения, которые в Теологическом миросозерцании по существу бессмысленны и лишь отвлекают от «единого на потребу».

Человечество спасется Историей — такъв основной и предельный тезис Прометеизма. И для этого нужна не творческая демобилизация человека в мире и не уход его из мира, как то следует из Теологического миросозерцания, а, наоборот, предельная и всесторонняя творческая мобилизация его, раскрытие той безграничной демиургической мощи человека, которое и совершается в нашу эпоху, и осознанием которого и является Прометеизм.

Поэтому если рождающаяся в наше время Новая Земля может и должна иметь также Новое Небо, — ибо без Нового Неба нет и не может быть и Новой Земли, — то оно может быть лишь таким — творчески воссоединенным с Землей, не отрицающим ее, а преобразующим.

9.

И здесь, в этой возможности Нового Неба и Новой Земли, самая глубокая и возвышенная потенция нашего времени. Ею определяется его решающий всемирно-исторический смысл.

Утверждение в качестве всеединящего центра мира — Бога или Человека, Сущего Абсолютного, в котором все разрешается из потусторонней теологической Данности, или Становящегося Абсолютного, в котором все осуществляется в посюстороннем титаническом Достижении, — этим полагается самое радикальное различие в общей миросозерцательной установке, которым все меняется, которым весь нравственный миропорядок перемещается вокруг своей Оси, обретается новая лучезарная перспектива мира.

«Тогда — новый человек, тогда все новое. Тогда историю будут делить на две части: от гориллы до уничтожения Бога, и от уничтожения Бога до перемены земли и человека физически; (Достовский, «Бесы». Кириллов).

В этом моменте нашей критической, для всего человеческого развития, эпохи, в котором торжество современного материалистическо-

го Гуманизма, связанного с общим Материалистическим мирозерцанием, явилось переходным модусом переключения морального Пафоса человека из формы Теологического сознания в форму Титанического мирозерцания, ибо Гуманизм — это неустойчивое равновесие духовно-нравственного бытия, — освобождая от первого, необходимо в то же время предваряет второе, — в этом критическом моменте история претерпевает самое значительное из своих возможных революционных возвышений: из предварительного теологического периода, соответствующего духовной незрелости человека, — эры пре-истории, через просветительно-рационалистический Гуманизм и обретение человеком необходимых для духовной зрелости предпосылок Знания и Мощи, — к грядущему Прометеевскому периоду истории, соответствующему духовной зрелости человека, — к эре Истории в **собственном смысле**.

Материалистический Гуманизм и связанный с ним рационализм, просветительство и т. п. с такой же необходимостью предваряет Прометеизм, с какой с отрицательной стороны он освобождает от Религии. Он — промежуточный момент Относительного между двумя высотами Абсолютного, который в силу определенно-закономерного отношения к каждому из них и их между собою, уводя от одного из них, необходимо приводит к другому. Он лишь долина между двух гор, место схождения с одной из них и восхождения на другую. И если Человеку свойственно по существу его стремиться в Гору, если не только и даже не столько в горизонтальном, сколько в вертикальном измерении ему свойственно быть — в силу вертикальной природы самого существа его, определяющегося Глубиной и Высотой, то освободившись от одной Возвышенности, перед которой он склонялся, он необходимо должен будет стремиться к другой, с которой он будет парить. Первая была Абсолютным в смысле Теологического сознания, в смысле Религии, вторая явится Абсолютным в смысле Титанического мирозерцания, в смысле Прометеизма.

Теологическая вера в Бога, обусловленная не-знанием, немощью и ничтожеством человека в этом моменте всем.-ист. развития становится невозможной в силу того же, в силу чего становится возможной Титаническая вера в человека, основанная на знании, величии и могуществе его. Гуманизм же служит лишь переходным промежуточным модусом этого соотношения между Религией и Прометеизмом, — духовно-нравственным Негативом и Позитивом. Он является нейтральной и нейтрализующей сферой между двумя полюсами сознания и бытия, заряженными положительной и отрицательной энергиями духа. Материалистический Гуманизм это нулевое состояние духовной температуры, в котором тот метафизический Холод, которым ознаменовывается торжество в мире нигилистического Теологического мирозерцания, мирос. смерти, смешается положительной температурой Огня, температурой Жизни, творческого Утверждения в Титаническом мирозерцании, в Прометеизме.

Раскрывшаяся безграничная творческая потенция Человека, потенция Абсолютного, заданного в нем, делает ненужным и невозможным существование другого Абсолютного, так как по самому существу этих понятий, исключающих какое бы то ни было **ограничение**, их совместное существование есть очевидный логический *non sens*, нечто вроде двух всеобщностей или двух предметов, заполняющих одно и то же пространство. И так как теологическое Абсолютное лишь «нисходило» на Землю с Неба, в качестве потустороннего, **отрицаю-**

щего поостороннее, то оно, тем самым, должно было для своей неограниченности все в мире умалить и отрицать. И наоборот, титаническое Абсолютное, которое в Мировом Становлении — Истории подымается к Небу из Земли, должно все в мире возвеличивать и утверждать. Где есть Бог в теологическом смысле, там Человек ничто, и где нет Бога в этом смысле, там Человек — все, там он сам — Бог, — Бог в смысле потенциального Абсолюта, в Мировом Становлении — Истории, актуализирующегося.

10.

Религия, в частности и в особенности христианство, обращается к убожеству человека и его немощи; Прометеизм — к его величю и могуществу. Там идеал нищих духом и мораль смирения; здесь идеал могучих духом и мораль творческого дерзновения. Это различие вытекает из всей противоположности между отрицающим и демобилизующим мир Теологическим сознанием и утверждающим и мобилизующим его Титаническим мирозерцанием.

Религия может удовлетворять лишь слабых; сильным Религия ничего не может дать. Но Прометеизм есть именно то, что нужно сильным, и что сообщает смысл и назначение их силе. Ибо если идея Прометеизма не верна, то все то волнующееся море человеческой Деятельности — Истории, которое наполняет собой мир, все борения, искания, стремления, достижения, все труды и все создания, — все это, по существу, не имеет смысла. И наоборот, если эта идея верна, то все это приобретает высший и безмерный смысл, абсолютное значение и назначение. Религия же, напротив, обесмысливает все это, ей все это не только не нужно, но даже мешает ее единственному пути предстояния пред Абсолютным. Ибо если в Прометеизме для этого предстояния нужно выйти ко Всему, воссоединиться с миром, то в Религии для этого нужно уйти от всего, уединиться от мира.

Поэтому Прометеизм приобщает человека ко Всему, Религия его от всего отращает. Отсюда, в частности, разные пути приобщения к Бесконечному там и здесь.

Все религии так или иначе различаются между собой характером отношения конечного к бесконечному. Прометеизм же в этом отношении отличается от всех религий. Его отношение к бесконечности — **реальное** — через **ценность** и ее творчество — в отличие от них, знающих лишь **символическое** отношение к ней. В частности, религии знают только идею **символической** победы над смертью, Прометеизм же полагает идею **реальной** победы над ней, — как победы его творческого отношения к бесконечности, его реализующейся в мире Безмерности. И этот новый принцип отношения к бесконечности, который несет в себе Прометеизм, принцип полагаемый самой безмерной природой человеческого существа и его предназначением к Безмерности, обретается им в творческом единстве с миром, в гармоническом отношении ко Всему. Откуда и соответственно новая идея бессмертия, — бессмертия через единство с миром, через присутствие во всем, через приобщенность к бесконечности. В таком единстве с миром, в гармоническом отношении ко всему Человек находит во всем свое продолжение и восполнение. И реализует его в ценности и в том, что создает ценность, в Творчестве — Труде, он осуществляет, таким образом, свое абсолютное достоинство и свое предназначение к бесконечности.

Ведь преобразование мира и в нем творческое овладение Природой и Историей есть преодоление пространственно-временного дисгармонического порядка конечности и раз'единения, с одной стороны (время — отрицательный принцип Истории, пространство — отрицательный принцип Природа), и тем самым, следовательно, с другой, положительной стороны, есть осуществление сверхпространственного и сверхвременного гармонического порядка бесконечности и единства, противоположного первому. В частности и в особенности, организация Истории, этого высшего и основного аспекта организации мира и в ней его преобразования, есть преодоление отрицательного принципа Истории, принципа времени, с одной стороны, и осуществление ее положительного принципа, — принципа Вечности, с другой стороны.

Но преобразование мира, организация Природы и Истории, — этот планетарный замысел призванного к Универсальности человеческого существа, есть основная тема и замысел Прометеизма. В обоих его основных принципах — в универсалистическом принципе единства, в частности, единства человека с миром и в демиургическом принципе творчества, творческого величия и могущества человека, ставится с двух разных сторон и решается одна и та же эта центральная проблема преодоления немощи, ограниченности, рабства человеческого существа и осуществления его абсолютного достоинства в абсолютном утверждении.

Таким образом, из трех возможных закономерно-типических форм миросозерцания, этих трех форм идеологической триады сознания: Теологического миросозерцания, знающего лишь символическое отношение к бесконечности, Материалистического, релятивизирующего человека и возводящего конечность его **нижней** природы в принцип всего его существа, лишь третье Титаническое миросозерцание, Прометеизм, полагает подлинный **реальный** модус отношения к бесконечности, проистекающий из величия и грандиозности самого его творческого Предмета.

Прометеизм есть истинная мера Человека. Им определяется его **собственно** человеческий Предел. И если эта Мера верна, то Человек в своем значении и назначении в мире — все; он его нравственное Начало и Конец, само воплощающееся в его Истории Абсолютное. Если же она не верна, то он, как и все в мире, — ничто; и тогда прав Материализм, призывающий его к ничтожеству и скотству, усматривающий в животном самоуслаждении его назначение и смысл, ибо Религия — третья возможность ответа из трех вообще возможных согласно нашей идеологической триаде — не может и этого о нем сказать: она занята «божеским», а не «человеческим». Человеку же и то, что она обещает, она обещает лишь после того... как он умрет, — в его «загробном», «потустороннем существовании». Материализм лишает человека достоинства и идеального бытия, Религия лишает его самой жизни и реального бытия.

11.

Из всего сказанного явствует — какая связь противопоставляемого здесь нового целостного миросозерцания старому Теологическому с древним мифом о Прометее, который послужил к обозначению этого нового миросозерцания.

Миф о Прометее был первой искрой прорзрения об абсолютном

значении творческого гения Человека, зароненной в историю первым великим представителем этого гения, творцом Античной культуры. Но прозрение явленное слишком рано, на заре истории творческого Свершения Человека, не только не было надлежащим образом развито и разъяснено, но зародившись в условиях безраздельного господства враждебного ему Теологического мирозерцания, было даже тенденциозным образом извращено. Так например, под влиянием этого мирозерцания первоначальный миф о Прометее, как олицетворении Огня, был вариирован в смысле Прометей, как похитителя небесного огня.

Лишь в нашу, критическую в этом отношении эпоху, эпоху зарождения новой высшей эры в человеческом развитии, когда создаются необходимые объективные предпосылки для подлинно прометеевского демиургического Торжества, становится возможным также и субъективное осознание настоящей меры Человека в его творческом призвании, настоящего его творческого значения и назначения в мире.

Миф о Прометее крайне многосмыслен, хотя и един в своих внутренних соотношениях. Согласно его явному и прикровенному смыслу, Прометей — это прежде всего отец Творчества - Труда, в высоком демиургическом смысле этих понятий, родоначальник Культуры, как таковой и, следовательно, Истории, вдохновитель высшего, собственно человеческого, достоинства людей, вложивший в них Огонь высшего стремления, наделивший их даром бессмертия и скрытой возможностью власти над своей Судьбой. Он первый творческий Бунтарь против рабьего теологического начала, Друг людей и защитник их от враждебных замыслов против них «бога», давший им все, что они имеют — от великой Надежды их до Разума и способностей искусства. Он — Просветитель, Техник, Завоеватель стихий, Освободитель во всех смыслах и отношениях. Он гордый и возвышенный Сострадалец людей, соучастник их мировой Заботы — Истории. И в то же время он выразитель высшего Абсолютного начала в них, воплощенный образ их планетарного титанического призвания.

Все, что наполняет мир из созданного Человеком, имеет своим источником творческое прометеевское начало. История, поскольку она начинается там, где кончается Природа, как таковая, является действительностью именно прометеевского порядка. Можно сказать, что Прометей — это Абсолютный дух Человека, скованный властью внешней необходимости. И тогда Геркулес, олицетворение внешней силы, освобождающий его от этой скованности — прикованности, это великая современная техника, внешне - материально раскрепощающая человека; а Коршун, терзающий Прометей, это вечно гложащая и терзающая Человека Нужда, которую также убивает техника, подобно Геркулесу, убивающему Коршуна.

Но кроме того, говоря о связи употребляемого нами наименования Прометейизм с древним мифом о Прометее и памятуя при этом все время, что всякое обозначение в сфере идей есть только более или менее удачный намек, особенно, когда оно касается многообъемного идеологического содержания, необходимо еще принять во внимание эволюцию, пережитую данным словом, используемым в качестве наименования, эволюцию, которая часто до неузнаваемости меняет его первоначальный смысл. Так, например, «поэт» первоначально по-гречески означало «творец», «фашизм» — от «фашио», что значит пучек, связка прутьев; «коммунизм» в смысле современной идеологии, совсем не то же самое, что городская коммуна — адми-

нистративная единица. И т. д. К этому нужно прибавить обозначения совсем уж внешнего и случайного свойства, которые произошли от имени творцов данных учений или идей, например: эпикуреизм, магометанство, конфуцианство, марксизм и т. п.; по имени мест их происхождения: например, стоицизм от «стоа» — портик; по другим совершенно случайным обстоятельствам: большевизм, меньшевизм и пр. Вместе с тем одни и те же термины могут иметь одновременно и разный смысл — например: «идеализм» в онтологическом, гносеологическом и практическом смысле, «закон» — в юридическом и естественно-научном значении и т. д.

Все эти соображения необходимо иметь в виду тем критикам, которые, оценивая наши обозначения «Прометеизм» или «Титаническое мирозерцание», наивно прежде всего доискивают их первоначального смысла. Уже в современном обиходном словаре обозначение «прометеевское» начало почти совершенно оторвалось от первоначального смысла древнего мифа, так же, как и понятие «титанический», означающее теперь грандиозный, мощный, безмерный и т. п., мало имеет общего со своим первоначальным значением.

И тем не менее, однако, известная закономерность в образовании терминов и обозначений существует, и ее не следует нарушать в попытках их искусственно построения. Если бы мы хотели следовать за некоторыми другими требованиями на этот счет, нам бы не трудно было искусственным образом сконструировать нужное нам обозначение. Но мы предпочли следовать закономерностям естественного образования терминов, а с этой точки зрения мы считаем наше обозначение Прометеизм вполне удачным и даже генетически в высшей степени выдержанным и многозначительным.

Характерно, что в наше время считают выгодным эксплуатировать это мифологическое имя даже в некоторых неподобающих местах, чем, впрочем, несколько не умаляя его значения, в то же время лишь популяризируют его и так сказать, обмишривляют, прививают к жизни. Так точно в свое время злоупотребления и употребления ни к селу, ни к городу обозначений «социализм», «социальный», не только не вредили, но, наоборот, способствовали прививке к жизни этих понятий.

12

Миф о Прометее, этом высшем проявлении титанического начала в древне-греческом смысле, вызвал бесчисленные толкования — самые разнообразные и противоречивые — толкования богословского, философского, исторического и лингвистического свойства, не говоря уже о разных вариантах и превращениях, которые он испытал в истории и представлениях самих древних греков.

Его обличали и с «искуплением» Иисуса, и с идеей культуры и прогресса; видели в нем египетского царя, укротителя Нила, а также вообще символ борьбы человека с природой; и космического Метежника, — символ универсального Бунта стихий Свободы против всяких проявлений Необходимости; усматривали в нем олицетворение неугасимого Огня и стремления и в то же время — диалектически раздвоенное в самом себе Божество, — откуда бунт Мысли против авторитета, воли против закона, гордости против рабства и пр. и пр.

Уже одни эти бесчисленные и часто диаметрально противоположные толкования, не имеющие ничего равного себе в истории сознания, указывают на необыкновенную глубину, многосмысленность и многогранность этого мифа, который, в том или ином отношении, затрагивает все мыслимые элементы сознания и бытия, все проявления действительности — реальной и идеальной. В нем, как в некоем фокусе, были собраны лучи всякой возможной реальности: должного и сущего, Неба и Земли, Бога и Человека, возможного и действительного и т. п. И потому этот миф является подлинным прообразом назревшего в наше время великого Синтеза, прежде всего, Синтеза в сфере сознания между Религией и Материализмом, между Теологическим и Материалистическим мирозерцанием, — этими двумя основными формами сознания, изначально расколотою в древней, вековечной антитезе. Знаменательно, что согласно самому мифу, Прометей, как и вообще Титаны, суть «сыны Неба и Земли» (Урана и Геи), т. е. дети наиболее целостного и полного Единства, наиболее глубокой и всеобъемлющей Гармонии. Уже одно это определение не позволяет данный миф толковать как либо одностороннее и узкое. «Дети Неба и Земли» должны, тем самым, объединять в своей природе все естества бытия и все проявления его. И таково именно истинное определение Человека: он в подлинном смысле — сын Неба и Земли, воплощение наиболее всеобъемлющего Единства, наиболее многозначительной Гармонии. А потому и его мирозерцание, отвечающее этой его потенциально-абсолютной природе, должно быть соответственным образом целостным и гармоническим, единым в противопоставлении Неба и Земли, Бога и Человека, идеального и реального.

Но в этом и состоит основной момент различия и противоположности Религии и Прометеизма. Всякая религия (как и Материализм) — в раз'единении Неба и Земли, идеального и реального. Прометеизм — в их воссоединении. Он в творческом возведении к Небу Земли и в низведении на Землю Неба.

Такое раз'единение, выразившееся в древней вековечной антитезе между Религией и Материализмом, основано на ложном противопоставлении Идеального и Реального. Религия представляет собой идеальное, отрицающее реальное; Материализм выражает реальное, отрицающее идеальное. И так как идеальное и реальное в них выражены в противопоставлении друг другу, а не в единстве, в каком они по сути вещей находятся, то как антиреалистический идеализм Религии, есть, по существу, псевдо-идеализм, так антиидеалистический реализм Материализма есть псевдо-реализм. Первый в своем антиреалистическом нигилизме сводится к иллюзионизму, второй в его антиидеалистическом нигилизме сводится к пошлости. Лишь в Прометеизме, который преодолевает это изначальное противопоставление расколотою сознания в высшем гармоническом единстве, осуществляется как истинный реализм, так и истинный идеализм.

Этим определяется место его в отношении как к Религии, так и к Материализму. И поскольку действительно *omnis determinatio negatio*, — все определяется отрицанием, он будучи выше того и другого и вмеща в своем Синтезе элементы истины их тезы и антитезы, является, с одной стороны, анти-Религией, с другой — анти-Материализмом.

Прометеизм есть агрессивная манифестация духа и утверждение его бесконечного превосходства над материей. В этом он антимате-

реалистичен. Но дух его — победный и конструктивно-героический — прямо противоположен квиэтическому и негативно - аскетическому духу Религии.

13

Нет сомнения, что существо Религии — в идеализме, беря это понятие в самом широком и значительном смысле. Это подтверждается уже отрицательным образом; тем, что ее антитезой является Материализм, суть которого в противоположности идеализму. Но еще яснее это видно из собственного содержания Религии, в силу которого в ней так важна мораль, нравственное совершенство и самосовершенствование, возвышенное душевное состояние, вера в высшее начало мира и высший смысл жизни и т. п. Поэтому то в христианстве Иисус является «искупителем» грехов мира, т. е. его несовершенств и «победителем» зла, в отношении которого все религии обладают таким острым чутьем и такой непримиримостью. Во всех религиях идеальное правит миром, является субстанцией его, и вера в него почитается обязательной. Неверие как бы отождествляется с нравственным падением и даже с духовной гибелью, ибо в такой вере в идеальное начало усматривается не только императивная норма, но и закон бытия. И т. п.

Однако, идеализм Религии, оставляя здесь в стороне его внешний исторический архаизм, ложен по существу — именно в его антиреалистическом нигилизме, в его отрицании реального «посюстороннего» мира во имя мнимого «потустороннего», «сверхъестественного» бытия. Негативный по своей природе и направленности, идеализм этот есть идеализм отрешенности, отрицания жизни и, тем самым, явного или скрытого культа смерти. Лишенный реального значения, с одной стороны, он есть отрицание реального бытия, с другой стороны. В отношении идеального он иллюзорен, в отношении реального он нигилистичен. И обе эти стороны его негативности проистекают из общего раз'единения и противопоставления им начал идеального и реального, выражением которого является антитеза Теологического и Материалистического мирозерцания.

Поэтому если вообще возможны — согласно нашей идеологической триаде — лишь три основных закономерно - типических вида мирозерцания: анти-идеалистическое — Материалистическое, ложно-идеалистическое — Теологическое, то, следовательно, лишь третье, Титаническое мирозерцание, является истинно идеалистическим, — демиургический, мироорганизующий идеализм которого, идеализм в собственном смысле, направлен не на отрицание, а на преобразование мира и в нем человека, не на пассивное приобщение к Идеальному в «потустороннем» «сверхъестественном» плане бытия, а на творческом осуществлении его в «посюстороннем», реальном плане. Его значение и назначение в мире заключается в том, чтоб, мобилизуя всю творческую мощь мира в актуализации его положительных идеалистических сил и в преодолении его отрицательных, материалистических энергий, осуществить заданный в нем Прометеевский подвиг Истории, подвиг преобразования мира.

Из этого также следует, что будучи с своей отрицательной стороны анти-Религией, Прометеизм еще в большей мере является в то же время анти-Материализмом. Если анти-Религией он является по идеологической форме, то анти-Материализмом — по самому существу

своему. Ибо Прометеизм хотя и есть полярно-противоположный идеализм в сравнении с идеализмом Религии, но все же он есть идеализм, притом идеализм в истинном, собственном смысле. Материализм же, как таковой, отрицает идеализм по самому существу его, является отрицанием его по самому своему понятию. Вот почему Прометеизм, Титаническое миросозерцание, борясь с Теологическим миросозерцанием, с одной стороны, и с Материалистическим — с другой, центром тяжести и главным фронтом этой двусторонней борьбы все же должен считать борьбу с последним.

Ничтожное и презренное отрицание Религии в Материализме, отрицание во имя духовного хамства и скотства, не только не сближает его с Прометеизмом, но, напротив, ставит в главном и основном на противоположном полюсе, ибо, как было сказано, Прометеизм отрицает Религию сверху, он отрицает ее снизу; первый отрицает во имя высшего утверждения, поэтому он не только отрицает, но и синтетически вмещает предмет своего отрицания, второй же только отрицает, ибо отрицает во имя духовно-нравственного ничто.

Есть вообще особая печать высшей значительности, которой отмечен, в отличие от Материализма, Прометеизм, как и Религия. Как и Идея Религии, Идея Прометеизма одновременно предельно проста и бесконечно сложна. Ее можно понять в одну минуту и можно изучать всю жизнь. В ней — первичное зерно и вместе с тем развивающееся вселенское Дерево всей человеческой мудрости. От искры прозрения в древнем мифе о Прометее до грядущего Огня творческого Всевозрождения — такова ее всеохватывающая историческая дистанция.

П. Боранецкий . .